

Дома — эпизод 2 из 4

спросил он в недоумении, моргая глазами. Я сегодня у тебя в кабинете ни разу не был и ничего не трогал.

Сейчас Наталья Семеновна жаловалась мне, что ты куришь... Это правда? Ты куришь?

Да, я раз курил... Это верно!..

Вот видишь, ты еще и лжешь вдобавок, сказал прокурор, хмурясь и тем маскируя свою улыбку. Наталья Семеновна два раза видела, как ты курил. Значит, ты уличен в трех нехороших поступках: куришь, берешь из стола чужой табак и лжешь. Три вины!

Ах, да-а! вспомнил Сережа, и глаза его улыбнулись. Это верно, верно! Я два раза курил: сегодня и прежде.

Вот видишь, значит не раз, а два раза... Я очень, очень тобой недоволен!

Прежде ты был хорошим мальчиком, но теперь, я вижу, испортился и стал плохим.

Евгений Петрович поправил на Сереже воротничок и подумал:

Что же еще сказать ему?

Да, нехорошо, продолжал он. Я от тебя не ожидал этого. Во-первых, ты не имеешь права брать табак, который тебе не принадлежит. Каждый человек имеет право пользоваться только своим собственным добром, ежели же он берет чужое, то... он нехороший человек! (Не то я ему говорю! подумал Евгений Петрович.) Например, у Натальи Семеновны есть сундук с платьями. Это ее сундук, и мы, то есть ни я, ни ты, не смеем трогать его, так как он не наш. Ведь правда? У тебя есть лошадки и картинки... Ведь я их не беру?

Может быть, я и хотел бы их взять, но... ведь они не мои, а твои!

Возьми, если хочешь! сказал Сережа, подняв брови. Ты, пожалуйста, папа, не стесняйся, бери! Эта желтенькая собачка, что у тебя на столе, моя, но ведь я ничего... Пусть себе стоит!

Ты меня не понимаешь, сказал Быковский. Собачку ты мне подарил, она теперь моя, и я могу делать с ней всё, что хочу; но ведь табаку я не дарил тебе! Табак мой! (Не так я ему объясняю! подумал прокурор. Не то! Совсем не то!) Если мне хочется курить чужой табак, то я, прежде всего, должен попросить позволения...

Лениво цепляя фразу к фразе и подделываясь под детский язык, Быковский стал объяснять сыну, что значит собственность. Сережа глядел ему в грудь и внимательно слушал (он любил по вечерам беседовать с отцом), потом облокотился о край стола и начал щурить свои близорукие глаза на бумаги и

чернильницу. Взгляд его поблуждал по столу и остановился на флаконе с гуммиарабиком.

Папа, из чего делается клей? вдруг спросил он, поднося флакон к глазам.

Быковский взял из его рук флакон, поставил на место и продолжал:

Во-вторых, ты куришь... Это очень нехорошо! Если я курю, то из этого еще не следует, что курить можно. Я курю и знаю, что это неумно, браню и не люблю себя за это... (Хитрый я педагог! подумал прокурор.) Табак сильно вредит здоровью, и тот, кто курит, умирает раньше, чем следует.